Отзыв

о диссертации А.А. Никитиной «Эволюция персоносферы китайской прозы второй половины XX века», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (литература стран Азии и Африки)»

Как известно, на временной шкале развития национальной словесности народов Востока литература современного, «западного» типа занимает последний, сравнительно небольшой отрезок времени (в разных случаях от 150 до 20 лет), однако именно этот отрезок характеризуется наиболее интенсивной сменой литературных парадигм, не говоря уже об огромном, нарастающем как снежный ком объеме литературного материала. Это объясняет существующий до сих пор дисбаланс в степени изученности восточных литератур средневекового, «классического» периода и литератур нового и новейшего времени: если одному памятнику средневековой литературы иногда посвящены десятки, а то и сотни исследований, то значительная часть произведений современной литературы даже не успела еще войти в научный оборот. Таким образом, любое научное исследование, исправляющее этот дисбаланс, – каковым является и диссертация А.А. Никитиной – имманентно имеет научную ценность, хотя бы даже просто информационную.

Диссертация А.А. Никитиной представляет большой интерес, по меньшей мере, в двух отношениях. Во-первых, избранный автором объект исследования – персоносфера (термин введен Г. Хазагеровым) в ее исторической эволюции – является одной из тех характеристик литературы, которые дают наиболее глубокое понимание сущности литературы как «зеркала жизни», отражающего духовное и/или идеологическое состояние породившего ее социума. В этом отношении тема диссертации представляется мне весьма удачной: она вписывается в комплекс других исследований, связанных с персоносферой в литературе, что позволяет составить более отчетливое представление о воплощении концепта персоносферы в мировой литературе вообще. А.А. Никитина аргументированно демонстрирует связь изменений в области персоносферы китайской прозы второй половины XX века с изменениями, происходившими в этот период в общественно-политической жизни Китая, которые заключались фактически в большей или меньшей степени реализации установок тоталитарной идеологии маоизма. Выявленная диссертанткой теснейшая зависимость особенностей персоносферы китайской прозы от официальной государственной политики в области культуры подкрепляет, в частности, мои собственные выводы о развитии персоносферы в художественной прозе другой восточной страны – Йемена, имевшего в 1970-80-е годы

сходный тоталитарный политический режим[1]. Здесь особенно примечательны «доведенная до абсурда шаблонность сюжетов и героев» (по выражению диссертантки) в годы китайской культурной революции и «снижение маскулинности, откровенная моральная слабость мужских персонажей» (с. 177) в последующий период – все это было и в литературе Йемена, что подтверждает представление об универсальности характера «реакции» персоносферы на соответствующие внешние общественно-политические факторы.

Второе несомненное достоинство работы А.А. Никитиной заключается в охвате и репрезентативности исследованного литературного и окололитературного материала, обеспечивших высокую степень достоверности выводов исследования (275 наименований в Списке использованной литературы). Основной материал исследования составили 33 произведения разных прозаических жанров, охватывающие полувековой период и – что особенно важно – заслужившие в свое время самую высокую оценку со стороны критиков. Некоторые из этих произведений впервые вводятся в научный оборот. Дополнительным материалом стали многочисленные работы китайских литературных критиков. Были использованы отечественные, западные и китайские работы, касающиеся вопросов персоносферы в творчестве отдельных китайских писателей и в отдельных произведениях, а также китайские правительственные документы, регламентировавшие литературную жизнь в рассматриваемый период.

Диссертация А.А. Никитиной представляет собой законченное научное исследование, основные положения которого отражены в научных публикациях диссертантки и в автореферате диссертации. Не вызывают сомнения изложенные автором в Заключении диссертации выводы о характере изменений, происходивших в китайской прозе второй половины XX в., и об их обусловленности внутриполитическими обстоятельствами.

Наряду с вышеупомянутыми достоинствами диссертации можно отметить некоторые недостатки, которые, однако, не снижают ее общий высокий научно-исследовательский уровень. Начну с замечаний, касающихся содержания работы и манеры изложения.

Первое замечание касается неоднозначности смысла упоминаемых во Введении терминов, которыми китайские литературоведы называли или до сих пор называют разные типы литературных героев (с. 23-25): идеальный герой, типичный герой, средний герой, новый герой, круглый герой, плоский герой. Во-первых, непонятно, что именно обозначают эти термины. Во-вторых, непонятно, являются ли они взаимоисключающими, то есть, может ли, например, идеальный герой быть одновременно типичным героем, или нет. В-третьих,

[1] Suvorov M. Transformation of the Main Character in Modern Yemeni Prose // Тахиййат. Сборник статей в честь профессора Н.Н. Дьякова. СПб: ВФ СПбГУ, 2013. С. 161-165)

непонятно, каково соотношение этих типов героев с теми типами героев, которые обозначаются в отечественном литературоведении такими терминами как «реалистический», «романтический», «отчужденный» и т.п. Из последующих частей работы, где приведены конкретные примеры, можно в принципе понять, что означают вышеупомянутые китайские определения типа героя, но объяснение «задним числом» в научной работе недопустимо.

Впрочем, и в последующих частях работы далеко не всё проясняется относительно этих терминов. Так, на с. 36 говорится о призыве Мао Цзэдуна к тому, чтобы жизнь в литературных произведениях выглядела, помимо всего прочего, «типичнее и идеальнее». Это звучит весьма странно, поскольку «типичное» и «идеальное» являются понятиями взаимоисключающими. Поэтому непонятно, что именно китайские литераторы, следовавшие указаниям Мао, понимали под «типичным героем» и «идеальным героем». Из того, что изложено на с. 50-51, можно сделать вывод о том, что «идеальный» герой все же противопоставлялся «типичному», которому почти не осталось места в литературе периода китайской «культурной революции». Что же касается «среднего героя», то судя по изложенному на с. 46-49, этим термином обозначался персонаж, не определившийся в своем отношении к политике маоистских преобразований. То есть, этот термин нельзя даже назвать литературоведческим, применимым к литературе любой нации. Впрочем, как утверждает диссертантка (с. 47), ни сам автор термина «средний герой» (литературовед Шао Цюаньлинь), ни его сторонники не смогли дать ему точного определения (интересно, почему?).

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: а нужно ли было в диссертации использовать китайскую терминологию, связанную с типом героя, вместо более понятной отечественной? Мне кажется, что это «использование терминов ради самих терминов» лишь усложняет для читателя понимание различия между различными типами героев, существующими в китайской прозе.

Некоторые другие используемые в диссертации термины и понятия китайского происхождения также объясняются либо недостаточно внятно, либо «задним числом». Например, во Введении (Раздел 1) присутствуют без объяснения такие понятия (наверное, понятные любому китаисту, но вовсе не любому читателю) как «теория трех выдвижений» (с. 23), политика «четырех модернизаций» (с. 24, 99), кампания «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» (с. 26). В последующих разделах диссертации также появляются не объясняемые автором понятия: литература освобожденных районов (с. 36), «двойная сотня» (с. 41, сокращенное название курса «пусть расцветают все цветы…», но непонятно происхождение такого сокращения), десять «образцовых революционных

спектаклей» (с. 51, 53), «банда четырех» (с. 99), Протокол 1966 г. (с. 99), банда сине-красных (с. 146), «хозяин Висячей башни» (с. 147), сыхэюани (с. 150).

На с. 95 диссертантка отмечает, что при создании в эпоху Мао Цзэдуна литературных образов героев-коммунистов китайские писатели ориентировались на советскую литературу. В этой связи полезно было бы пояснить, с какой именно советской литературой были в то время знакомы китайцы, и как им удавалось с нею познакомиться. К сожалению, такая информация в диссертации отсутствует.

Сомнительным представляется следующее утверждение: «После июня 1989 старая политическая система и идеология сохранялись, но общество стало в целом более стабильным, начало меньше внимания уделять политике и проявлять большую терпимость по отношению к существующей социальной системе» (с. 158). То есть, до этого, в годы диктатуры, общество было менее стабильным? В чем именно? И люди были менее терпимы к социальной системе? А что здесь подразумевается под социальной системой и в чем выражалась нетерпимость к ней?

Совершенно не понятен смысл следующей фразы: «Американский исследователь Майкл Берри обращает внимание на то, что персонажи романа “имеют свои копии и клоны”, “служат противоположностями более ранним ипостасям самих себя”» (с. 179). Диссертантка при этом не объясняет, о каких копиях, клонах и ипостасях идет речь.

Встречаются в диссертации некорректные речевые обороты и фразы, например:

С. 28. «Подводя итог имеющимся работам…» Очевидно, имеется в виду итог обзора имеющихся работ.

С. 37. «Литературная критика того времени не выступала против упрощения внутреннего мира персонажа, а, наоборот, нередко ставила писателям в вину их попытки усилить психологизм». То есть, она была за упрощение, но почему тогда противопоставление («наоборот»)?

С. 39. «…внимательно изображают…» То есть, детально, тщательно.

С. 54. «заслуживает… удручающей оценки» Удручающей для кого?

С. 72. «толстый живот» То есть, большой.

С. 87. «…которому жадно хочется…» То есть, который жадно хочет.

С. 96. «становится “наидеальнейшим”»

С. 114. «удивленно недоумевал»

С. 141. «…под названием Хулуба (горная равнина Тыква-горлянка)» Что это, в скобках?

С. 145. «подверглась дикой расправе и пыткам» Пытки не входят в расправу?

С. 144. «уком партии» Что это?

С. 146. «посетители лотка» Как можно посещать лоток?

С. 146. «Долгожданную дочь (Ху Юйинь – *М.С.*) супруги назвали в честь бодхисатвы Гуаньинь» Как это? Имена же здесь разные!

С. 151. «автор не может не обойти стороной тему “культурной революции”» По смыслу контекста вторая «не» в этой фразе лишняя.

С. 156. «некоторое многотысячелетнее наследие Китая» Что значит «некоторое»?

С. 160. «В литературе наблюдаются различные явления…» Различные явления наблюдаются всегда и во всем!

С. 171. «семья Сюй прошла все испытания истории Китая XX века» Так кто кого испытывал? История семью или семья историю?

С. 176. «бесплотное желание»

На с. 161 в п. 1 и 2 из-за некорректного построения фраз непонятно, кому принадлежат упоминаемые китайские имена: писателям или «рабочим, крестьянам, горожанам» и «современным женщинам».

В тексте раздела 4.4 отсутствует вводная фраза; сразу следует некий перечень – непонятно, чего.

«Кадровые работники», присутствующие во многих из упоминаемых произведений китайской прозы (с. 141, 144 и др.), – это, по всей видимости, партийные работники, чей род занятий переведен диссертанткой на русский язык не совсем правильно.

Последний абзац текста Заключения представляется неуместным; логичнее было бы разместить его в разделе 1.2, где дается обоснование выбора материала исследования.

Попадаются в тексте диссертации опечатки и грамматические ошибки (с. 16, 37, 40, 73, 89, 100, 101, 103, 106, 110, 111, 140, 145, 149, 152, 154).

Что касается оформления текста диссертации, то есть замечание относительно представления в нем названий художественных произведений и научных исследований. В разделе 1.3.3. названия англоязычных литературоведческих работ приводятся на языке оригинала, хотя логичнее было бы дать их в русском переводе (ведь оригинал можно увидеть в Списке использованной литературы), как это сделано в случае работ на китайском языке. Вызывает сомнение необходимость постоянно сопровождать в основном тексте диссертации названия китайских работ в русском переводе их иероглифической записью, утяжеляющей восприятие текста (ведь иероглифическую запись можно увидеть в Списке использованной литературы). Забавным образом на с. 26 название некой работы китайского литературоведа Ма Чжэньфан представлено только в иероглифическом виде, без какого-либо перевода.

В результате какой-то ошибки форматирования заглавие раздела 3.3 диссертации оказалось последней строкой текста на странице 140.

Несмотря на указанные погрешности, исследование А.А. Никитиной представляет собой действительно серьезный вклад в изучение китайской литературы. Материалы диссертации могут быть использованы для усовершенствования учебных программ по китайской филологии и соответствующих учебных пособий, а также для решения дальнейших теоретических вопросов, стоящих перед синологическим литературоведением.

Диссертация Никитиной Александры Андреевны на тему: «Эволюция персоносферы китайской прозы второй половины XX века» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Никитина Александра Андреевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература Ближнего и Дальнего Востока).

Доктор филологических наук,
профессор кафедры арабской филологии
Санкт-Петербургского государственного университета Суворов М.Н.

08.06.2017